

возвращение во Францию словесности, как его поняли сами организаторы возвращения, — культ стиля и религиозное воодушевление вместе вернулись к жизни во времена св. Бернарда: «Diebus autem Bernardi nostri coepit in Gallis simul cum fervore religionis stylus coli et resur-gere»****. В ту эпоху в Италии и в остальном мире было очень мало писателей, или, точнее, людей, чьи произведения почитались достойными памяти потомков. Конечно, есть Петрарка, но с какого времени? Если поставить его на соответствующее место в истории, то становится очевидным, что его суждение о Франции несправедливо и преувеличено. Ничто не может в большей степени прояснить смысл французского возвращения к изящной словесности, чем то обстоятельство, что в его начале и некоторое время спустя оно не подвергалось итальянскому влиянию. Мы не думаем здесь отрицать, что с этого момента пример Петрарки и желание соперничать с ним не сыграли своей роли в описываемых событиях. Речь идет просто о том, чтобы понять: перед последней четвертью XIV века во Франции местные силы действовали в том же направлении, но они готовили обновление литературной культуры в несколько ином духе. Творчество Петрарки сориентировала озабоченность эстетического порядка, господствовавшая в его произведениях в молодости; раз и навсегда

567

2. Возвращение литературы во Франции

она направила его к художественному идеалу подражания древним. В эту погоню за Цицеронизмом он вовлечет последующие поколения, и каждое из них будет стремиться возвыситься над предыдущим, при этом полностью его презирая.

Петрарка обладал гениальностью, скажет Эразм, но больше его никто не читает. Изучать влияние Петрарки во Франции — значит следовать за ростом его Цицероновских амбиций среди французов. Но Никола де Клеманж поставил нас перед иными фактами. То, что нам позволили предполагать произведения Петра из Альби и Жерсона, этот свидетель движения за возвращение изящной словесности подтвердил собственными словами. Французские теологи желали возрождения латинского красноречия и благоприветствовали ему, что казалось им неотделимым, по крайней мере во Франции, от религиозного пробуждения. Зная свою собственную историю, они меньше думали о Цицероне, чем о св. Бернарде, и культура, какой они желали ее видеть, была культурой XII века — классической культурой с точки зрения христианских целей, которые преследовал сам св. Бернард. Кстати, вот почему — за исключением случаев, когда двое пикировались между собой, чтобы продемонстрировать свои языковые способности, — их латынь оставалась латынью хорошо образованных людей средневековья — от Беды Достопочтенного до Бернарда и Иоанна Солсберийского.

Именно их традицию Клеманж хотел оживить на той самой земле, где родились их произведения. В письме Гонтье Колю (Col), где он жалуется на враждебность и клевету, с которыми сталкивается, Клеманж одновременно требует — сдержанно, но твердо — почетного места, каковое он заслужил в реформе обучения. Красноречие во Франции было почти забыто («*ipsa quasi oblitterata atque obsoleta eloquentia*»*); можно ли ему пожелать возродить его, вытащив из могилы («*atque ipsam eloquentiam diu sepultam in Gallis quodammodo renasci*»)? Это благодар

ему, Клеманжу, Франция, которая не уступала ни в чем другим соседним странам, больше не уступает им даже в красноречии. Его усилия немного расчистили дорогу («*viam diutius obseptam paululum aperui*»**). Короче, не желая похвалиться восстановлением во Франции искусства красноречия, которое было уже окончательно погибшим, Клеманж считает